ИЗ ПЕРЕПИСКИ В. С. ПЕЧЕРИНА с ГЕРЦЕНОМ и ОГАРЕВЫМ

Публикация А. А. Сабурова

Переписка Герцена и Огарева с Владимиром Сергеевичем Печериным (1807—1885) — интересная и яркая страница их эпистолярного наследия. На общественных и личных отношениях Герцена сказывалась напряженность идейной и политической борьбы, которую он неустанно вел всю свою жизнь; сказалась она и на его взаимоотношениях с Печериным. Всех вступавших в общение с Герценом, друзей и врагов, «наших» и «не наших», равно подхватывал вихрь горячих споров, делавших каждое письмо великого революционного демократа развернутым общественным выступлением. «Между людьми, открыто действующими на своих путях, не может быть чисто приватных сношений», — писал Герцен Печерину, объясняя, почему он счел необходимым опубликовать первую часть их переписки (см. ниже письмо от 21 мая 1862 г.).

Русский католик, принявший постриг в ордене редемптористов — одном из самых реакционных гнезд позднего католицизма, Печерин по своему общественному положению резко отличался от писателей, профессоров, ученых, государственных деятелей, находившихся в переписке с Герценом. Но, подобно многим другим корреспондентам Герцена из враждебного стана, Печерин невольно оказывался вовлеченным в сферу острых политических вопросов современности, выходил из узкой колеи привычных дел, мыслей и настроений, когда жгучее слово Герцена достигало его слуха. Разочарование в католицизме подготавливалось постепенно многими обстоятельствами его жизни. Но нельзя сомневаться в том, что воздействие Герцена и его идей сыграло значительную роль в духовном кризисе Печерина. Именно Герцен своей беседой и перепиской с Печериным вырвал его из степ монастыря редемптористов, заставил по-новому, открытыми глазами взглянуть на современные исторические события, по-иному осмыслить свою личную жизнь и признать ее трагические итогитрагические потому, что утрата религиозной веры не заставила Печерина разорвать свою связь с католической церковью. До конца дней Печерин остался католическим священником, дав этим пример того крайнего расхождения между словом и делом, того безысходного тупика, до которого мог дойти русский «лишний человек», оторвавшись от национальной почвы и реальных исторических задач освободительной борьбы русского народа.

Переписка Герцена и Огарева с Печериным состоит из двух частей. Первая, относящаяся к 1853 г., известна из «Былого и дум»: Герцен напечатал ее в главе «Pater V. Petcherin», где рассказал о свидании с Печериным в иезуитском монастыре в Клапаме. Вторая часть переписки — письма 1862 — 1863 гг. — публикуется ниже. В нее входят одно письмо Герцена к Печерину (ЦГЛА.—Было опубликовано в «Лит. газете», 1945, № 5), два письма Огарева к Печерину (ИРЛИ и «софийская коллекция»), шесть писем Печерина к Герцену и два письма Печерина к Огареву (ЦГАОР— «пражская коллекция»).

Письма Печерина, за исключением одного, адресованного Огареву, от 6 апреля 1863 г., еще не появлялись в нашей печати; впервые они были опубликованы за границей в «Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven», 1933, т. ІХ, ч. ІV, стр. 508—517. Письмо Огарева к Печерину от 29 марта 1863 г. и упомянутое письмо Печерина к Огареву от 6 апреля 1863 г. напечатаны в «Звеньях» (VI, 1936, стр. 380—385) и включены в нашу публикацию для связи и полноты.

Печерин принадлежал к числу талантливых русских людей последекабрьского периода, которые, ненавидя самодержавие, вместе с тем оказались духовно сломленными и неспособными к действенной борьбе. В годы своей студенческой командировки за границу (1833—1835) Печерин пережил серьезные республиканские увлечения, а также увлечение некоторыми идеями утопического социализма и вернулся в Россию на кафедру Московского университета с резкими оппозиционными настроениями. Блестящий молодой филолог, перед которым были открыты широкие перспективы научной деятельности, он принял, однако, все меры к тому, чтобы вновь уехать за границу и завязать связи с швейцарскими и итальянскими революционерами.

Четыре года скитался Печерин по Западной Европе. В его мемуарах, напечатанных под названием «Замогильные записки», подробно рассказано о том, как разбились его бунтарские намерения. В судьбе Печерина решающую роль сыграл тот реакционный, религиозный уклон, который во второй половине тридцатых годов приобрели на Западе некоторые течения в утопическом социализме. Особенно сильное влияние оказал на него трактат Ламеннэ «Paroles d'un croyant» («Слова верующего»); в этом трактате идея социальной революции излагалась в мистической форме библейского пророчества. Под влиянием Ламеннэ, Жорж Санд, Пьера Леру и других утопистов идея революционного обновления мира сочеталась в представлении Печерина с идеями так называемого христианского социализма; он перещел в католичество и сделался монахом, с тайным намерением стать во главе широкого социально-религиозного движения.

Планы Печерина, разумеется, не воплотились в жизнь. Противоречие между исходными реформаторскими стремлениями и монастырской рутиной привело его к сознанию полной жизненной катастрофы.

Знаменательно одно из писем Печерина начала пятидесятых годов, где он пишет по поводу современных западноевропейских событий: «Время книг и речей прошло, приближается время меча. Существуют гордиевы узлы, которые может разрубить только меч. Остается узнать, кто будет носителем этого меча. Мои глаза невольно обращаются к России, ибо, в конце концов, именно оттуда должно придти решение великого вопроса» (ЦГЛА. Письмо к И. С. Гагарину, фотокопия). Эта мысль о ведущей роли русского народа в разрешении социальных противоречий будущего возникла у Печерина после революции 1848 г., показавшей ему неизбежность близкой гибели «общества аристократов, буржуа, коммерсантов». Печерин уже тогда, при всей порочности его идеологии, при чудовищно уродливых изломах мысли и чувства—с острой проницательностью, доступной немногим, усматривал в России, стране самодержавно-крепостнического деспотизма, будущую «исполинскую демократию», как он называл ее позднее. Однако эти мысли не привели Печерина ни к каким практическим решениям.

Важной вехой в жизни Печерина явилась его встреча с Герценом (в 1853 г.). Герцен дважды посетил Печерина в монастыре St. Mary Chapel в Клапаме, близ Лондона, надеясь получить у него рукопись его романтической поэмы «Торжество смерти» и других юношеских произведений. Они расстались с сознанием непримиримой противоположности во взглядах, в политических интересах и устремлениях, но для Печерина эта встреча имела большое значение. Он вступил в спор с Герценом и ответил ему резкими возражениями — революционно-материалистическая идеология Герцена была, разумеется, в корне чужда религиозным идеям Печерина. Но спор с Герценом не прошел для него бесследно: Печерин усомнился в своей правоте. Девять лет спустя он писал Герцену: «...я много раз раскаивался и еще раскаиваюсь в том, что написал вам те два письма в 1853 г. Они были продиктованы усердием не по разуму» (см. ниже письмо от 23 мая 1862 г.). И впоследствии Печерин вспоминал в одном из писем к Ф. В. Чижову: «Меня заживо задело замечание Герцена, когда по свидании со мной в 53 г. он написал: "Все тут умерло, оставив только свои надгробные следы в чертах". Нет, брат, не угадал! Тут еще кое-что живет, и шевелится, и трепещет живучей жизнью. Загадка жизни еще не разгадана, узел драмы еще не развязан» (письмо от 10 января 1876 г. — ЛБ, Чиж. 45/20).

Вскоре после встречи с Герценом в 1853 г. Печерин стал писать записки, очень своеобразные, свидетельствующие об овладевшей им душевной тревоге. Он назвал их «Записками сумасшедшего» («Ме́тоітея d'un fou»). Записки эти по своему характеру напоминают отрывки из дневника Печерина пятидесятых годов, приведенные им позднее в «Замогильных записках» и в одном из писем к П. В. Долгорукову в 1864 г. Во всех сохранившихся отрывках из этого дневника, написанных после 1853 г., поражает внутреннее смятение, напряженность мысли и чувства. Печерин увидал вокруг себя ложь и понял, что служит ей. Самому себе он дал в этом дневнике самую уничтожающую оценку: «Я маленькое существо, жалкое и телом и душой. Я мертвая собака. Я дымящаяся головешка, которую не желают потушить» (ЛБ, Чиж. 45/2. — Перевод с франц.). Уже в эти годы в сознании Печерина начала пробуждаться ненависть к католическому монастырю — ненависть, которая привела его впоследствии к глубочайшей раздвоенности.

В середине пятидесятых годов Печерин уже рвется вон из монастырского затвора. Его душевная тревога особенно возрастает во время Крымской войны. Он еще не ставит перед собой политических вопросов, но хочет бежать туда, где идет борьба, к живым людям, к полезной деятельности. «События теснятся на арене мира $\langle \dots \rangle$, — записывает Печерин в своем дневнике 29 августа 1854 г., — до сих пор я обнимал только тени, — когда же я обниму действительность! $\langle \dots \rangle$ Я бьюсь среди призраков, я в тисках, мне нужен свободный воздух истины...» (ЛБ, Чиж. 45/2.—Перевод с франц.).

Фактический уход Печерина из ордена редемптористов произошел несколько лет спустя, после того как он был вызван по требованию папы в Рим, чтобы проповедовать на русском и английском языках. Впечатления, полученные в Риме, заставили Печерина принять решение, которое назревало в течение многих лет.

22 февраля 1859 г. Печерин записал в своем дневнике: «О Рим! Как я тебя ненавижу! Время перед тем, как я мог вырваться из Рима, казалось мне, длилось тысячелетия: как долго не мог я дождаться освобождения от всех этих церемоний (...) О Рим! Я ненавижу тебя: ты притон честолюбия и подлых интриг. Именно здесь забывают заботу о душах и только думают, что об умножении своей славы и своего влияния...» («Замогильные записки». М., 1932, стр. 134—135.—Перевод с франц.).

Он уехал из Рима с твердым намерением порвать с орденом редемптористов и два года спустя, 14 июля 1861 г., написал генералу ордена письмо, в котором просил отпустить его навсегда. «Больше я не могу питать себя иллюзиями, — писал Печерин. — Мы не что иное как светская конгрегация, и жизнь наша совершенно мирская. Мы не можем со всей правдивостью сказать, что мы оставили мир: на самом деле мы живем в мире, и мы глубоко замещаны во все его интересы и во все его страсти. Повышение и понижение курса не оставляет нас безразличными. Среди нас имеются настоящие собственники...» (ЛБ, Чиж. 45/17. — Перевод с франд.).

В 1861 г. Печерин вышел из ордена и побывал в нескольких монастырях, оставивших у него самые удручающие воспоминания.

«...Я решился похоронить себя заживо, — вспоминал Печерин в письме к Ф. В. Чижову от 21 октября 1865 г. — Вот я и отправился в пресловутую Картезианскую пустыню — la grande Chartreuse près Grenoble. Тут меня ждало совершенное разочарование. Эти почтенные пустынники — просто богатые фабриканты. Они нашли какой-то секрет составлять из горных трав отличный ликёр, который теперь в большой моде во всех французских cafés, под именем la chartreuse. Эта промышленность доставляет им миллион франков чистого дохода. При всем этом они с большим умилением говорят: "Nous, pauvres chartreux!" *... точь в точь как в "Тартюфе" Мольера Оргон восклицает: "Раичге homme!" **. Так как я никогда не имел большой наклонности сделаться миллионером, то я тотчас же решился возвратиться в Ирландию» (ЛБ, Чиж. 45/11).

В Ирландии Печерин сначала жил в монастыре траппистов. «Но через три месяца, пишет он в том же письме, — я понял однажды навсегда, что мне невозможно жить без умственной деятельности. У траппистов она на точке замерзания. Это просто жизнь

^{* «}Мы, бедные картезианцы!» (франц.). ** «Бедняга!» (франц.).

³⁰ Литературное наследство, т. 62

рабочего человека, которому некогда мыслить». «Но тут действовало на меня и другое влияние (...),—добавляет вслед за тем Печерин.—В первый раз тогда (1861) я услышал, как быстро Россия подвинулась вперед. Вот эти-то мысли смущали меня среди вечного молчания траппистов. "Теперь начинается возрождение России, поднимается заря великого дня, а тебе его не видать, и даже слух о нем не проникнет сквозь эти стены"» (там же).

В начале 1862 г. Печерин поселился в Дублине в качестве патера (aumônier) при больнице «Mater Misericordiae». Здесь он пережил новую сложную ломку своих убеждений. Постепенно Печерин все глубже разочаровывался в католицизме и терял веру в религию. Итоги этого процесса с полной определенностью сказались в его переписке с Ф. В. Чижовым конца шестидесятых и семидесятых годов. «Ты как-то очень осторожно касаешься религиозного вопроса, — пишет Печерин. — Поверь мне, Чижов, этот вопрос у меня давным давно порешен и покончен и сдан в архив, в тот архив, где на одной и той же полке покоятся в пыли столетий брахманизм, буддизм, парсизм, иудаизм, католицизм, магометизм, поджидая мормонизма и других измов. Ученый архинарий по временам входит в эту полутемную комнату, отворяет окно, чтобы впустить свежий воздух в эту затхлую атмосферу, тщательно крылышком сметает ныль с этих заплесневевших томов и так иногда из любопытства раскрывает один из них, чтобы посмотреть, во что люди верили в старые годы, как они спорили, дрались и умирали за свою веру. Но все ж таки ему как-то непривольно в этой духоте. Душа просится на божий свет, на вольный воздух. Там солнце блестит на голубом небосклоне, птички поют, насекомые жужжат в густой траве, растительное царство раскинулось неистощимою жизнию; жизнь везде льется через край, бьет живым ключом, рассыпается алмазными брызгами (...) С севера на юг. с востока и запада какой-то невидимый голос провозглашает во всеуслышание: "Время книжного учения прошло; живая природа и деятельная жизнь призывают человека в свои объятия"» (письмо от 4 мая 1870 г. — ЛБ., Чиж. 45/12).

Для характеристики атеистических и антиклерикальных настроений, к которым пришел Печерин к концу своей жизни, весьма интересны его автобиографические признания, сделанные в письмах к Чижову в связи с появлением в печати стихотворения «Прочь, о демон лучезарный», приписанного Печерину. Отметим, что именно на этом стихотворении, отличающемся романтической экзальтацией и мистическим духом, Гершензон, которому на руку был домысел публикатора, построил свое неверное представление о последнем периоде жизни автора «Замогильных записок».

«Прошу тебя, --писал Печерин, -- от имени моего повдравить издателя "Русской старины" с изобретательным гением г. Тихонравова. Признаюсь, я не без зависти прочел это стихотворение: мне очень бы котелось быть его сочинителем или, как говорят, творцом. Но по совести не могу присвоить себе чужого добра. Автор отлично выполнил свою роль; но в одном только он дал промаха, а именно в том, что он писал a priori, т. е. воображая себе какого-то идеального, романтического, средневекового монаха, каким я никогда не был. В этом отношении совесть моя чиста: подобных чисто религиозных излияний о суете мирского и о предвечной любви я никогда не писал. Но главное дело в том-это исторический факт-что во все время моего пребывания в монашеской келье у редемптористов, т. е. до 1861 г. я ни одной строки не писал по-русски, исключая редких писем к родным, и почти позабыл русский язык до такой степени, что когда в 59 г. меня приглашали сказать русскую проповедь в Риме, я под этим благовидным предлогом удачно увернулся от этакой нелепости и не посрамил земли русския. (...) Я снова сблизился с русским миром в 1862, когда я начал читать "Колокол" и вошел в сношения с Герценом, Огаревым и П. Долгоруковым. Первое стихотворение-после моей эмансипации в 1861—было напечатано в газете "День" в сентябре 1865; но это стихо-. творение дышит не монашеским самоотверженьем, а напротив, полнейшим разочарованием и даже безверием, как тогда же заметил в письме ко мне Герцен. Из всего вышесказанного явствует, что ни физически, ни вравственно мне невозможно быть автором стихотворения, сообщенного "Русской старине". Quod demonstrandum

В. С. ПЕЧЕРИН Фотография, 1860-е гг. Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

erat*. Вследствие чего я торжественно, решительно и окончательно отрекаюсь от стихов г. Тихонравова и от всех дел его.

Прочь, о демон лучезарный, Искуситель, стих коварный.»

(Письмо от 4 сентября 1875 г.—ЛБ. Чиж. 45/19).

В следующем письме Печерин писал Чижову, продолжая начатый разговор: «Согласись, что после двадцатилетнего опыта монашеской жизни ужасно как забавно читать:

Под венком моим терновым, В поте бледного лица,

тогда как именно в эту минуту перед моим умственным взором носится образ настоящего реального монаха, не в терновом венке и не с бледным челом, а напротив — это толстый, краснощекий мужчина с брюшком: он запивает котлетки бокалом шампанского и с полупьяными слезами на глазах приговаривает: "Ah! que j'aime mon Jésus"**. Клянусь богом — это фотографический снимок с натуры. Оригинал этого портрета давно уж умер, но недавно вышла его биография, где в заключении сказано: "Его прекрасная душа воспарила в небеса, а тысящи душ, им спасенных, с ликом ангелов и святых вышли ему навстречу". Этот самый дивный муж, причисленный к лику святых, был главным лицом в известной тебе легенде о монахе и бесе. И вот как пишутся жития святых! Если я умру прежде тебя, то сделай милость, немедленно после моей смерти напечатай все мои письма, а то, пожалуй, — чего боже сохрани, — они и меня причтут к лику святых» (письмо от 27 сентября 1875 г. — ЛБ, Чиж. 45/19).

Отметим здесь кстати, что антирелигиозные мысли Печерина, выраженные так определительно в его поздней переписке с Ф. В. Чижовым, не были чужды ему и в годы молодости. Это видно из его юношеского дневника: «Придет время,

^{*} Что и требовалось доказать (лат.).

^{** «}Ах, как я люблю моего Иисуса!» (франц.).

когда станут рыться в развалинах какой-нибудь христианской церкви и, найдя случайно крест, станут спрашивать с недоумением: что это значит? к чему служило это орудие?» («Замогильные записки», цит. изд., стр. 111).

Герцен был первым, к кому обратился Печерин в 1862 г., покинув монастырь. Между уходом от траппистов и первым письмом к Герцену прошло менее четырех месяцев. Мысль о Герцене, видимо, не оставляла Печерина со времени их первого свидания в 1853 г. Как видно из второго публикуемого нами письма, от 23 мая 1862 г., Печерин в это время уже выписывал «Колокол» и собирался приобрести книги, «порожденные» влиянием Герцена. Он сообщил Герцену, что отказывается от тех позиций, с которых вел с ним спор в 1853 г., и вскоре начал делать взносы в «общий фонд», в пользу
русских революционных эмигрантов.

Определяя позицию Печерина на основании публикуемых писем его к Герцену и Огареву, необходимо иметь в виду одну особенность этих документов. Печерин откровенно высказывает свои политические симпатии и антипатии во всем, что касается русской действительности, но совсем почти не приоткрывает завесы над начавшимся кризисом своего религиозного сознания. Более того, желая определить свое отношение к русской революционной эмиграции, он прибегает к такой фразеологии и аргументации, которые, вполне соответствуя его официальному положению католического священника, уже начали терять в это время смысл и значение в его собственных глазах. Так, например, он сослался на то, что между идеалами «Земли и воли» и «догматами католической веры» якобы нет противоречий (см. ниже письмо от 13 марта 1863 г.). Единственный намек на свое начавшееся разочарование в католицизме, который он позволил себе сделать в письмах к Герцену и Огареву, — намек, понятный только тем, кому была известна вся история его жизни, состоял в горьком сравнении себя с Дон-Кихотом: «Я все принимал за чистые деньги, везде видел доблесть и красу, а где их вовсе не было, я созидал их в моем воображении и поклонялся творению рук моих. Сколько ветряных мельниц я принял за исполинов! Сколько Дульциней я обожал, как идеальных принцесс!..» (письмо от 6 апреля 1863 г.).

Герцен с решительным недоверием отнесся к попытке Печерина завязать связи с революционной эмиграцией. Это видно не только из ответного письма Герцена, публикуемого ниже, но и из упрека Огареву, сделанного год спустя, когда Огарев откликнулся на обращение Печерина большим сочувственным письмом (от 29 марта 1863 г.), в котором призывал его к прямой революционной деятельности. «То же, что было с З(емлей) и В(олей) и с офицерами, ты испытал с Печериным,— писал Герцен. — Я не виню тебя, что ты ему писал как бы мне из Кунцева и попа-иезуита 55 лет принял за юношу, а спрашиваю: ну, а если бы он тебе написал: "Я уложил мое распятие, куда надобно итти?"—что же бы ты сделал?». Герцену с его трезвостью взгляда и точностью политического глазомера было ясно то, чего не понял сразу Огарев: хотя «поп-иезуит» и хотел бы стать юношей и готов «уложить свое распятие», итти ему некуда, и перед ним нет реального пути. Так и оказалось впоследствии. Утратив религиозную веру, Печерин, однако, не изменил общего уклада своей жизни и совмещал составление антицерковных мемуаров и общирных писем к русским друзьям, изобиловавших насмешками над религией, с исполнением обязанностей патера при больнице.

Что касается Огарева, то он, как явствует из упомянутого письма, вполне поверил, что Печерин действительно «возвращается в народ русский». Огарев исходил при этом из возможности сотрудничества с враждебными политическими организациями (польскими националистами, католиками и др.) для борьбы с общим врагом, русским царизмом. Огарев настойчиво потребовал от Печерина решительного шага, который был бы прямым ответом на вопрос — к какому же стану примкнул Печерин? Пытаясь вовлечь его в круг политической борьбы, Огарев указал ему на Литву, где русский католик мог бы, по его мнению, принять деятельное участие в борьбе против царского самодержавия.

Огарев верно оценивал Литву как очаг революционного движения. В это же время, 8 апреля 1863 г., Энгельс писал Марксу: «Литовское движение—сейчас самое

важное, так как оно 1) выходит за границы конгрессовой Польши, и 2) в нем принимают большое участие крестьяне, а ближе к Курляндии оно приобретает даже прямо аграрный характер» (К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. XXIII, стр. 142). Огарев верно понимал также связь польского национального движения с борьбой русского народа против крепостничества. По его мнению, революционная Польша могла добиться успеха, только отдав землю народу: «...вопрос польской свободы становится на один уровень с вопросом русской свободы» (письмо от 29 марта 1863 г.).

Совету Огарева Печерин не последовал. Слова Печерина: «Я возвращаюсь в русский народ» Огарев готов был понять в практическом, действенном смысле. Печерин же понимал под «возвращением» взносы в «общий фонд», готовность «подписать» программу «Земли и воли» — и то и другое можно было сделать, не покидая удобного кресла в коттедже на Lower Dominick Street в Дублине.

Крушение всех надежд, сознание того, что все попытки борьбы и деятельности, предпринятые им, оказались безрезультатны, сделало Печерина неисправимым скептиком. Он решительно отказался снова круто ломать жизнь и закончил ответ Огареву филистерской репликой: «...после стольких опытов мне очень трудно решиться на какую-либо новую деятельность. Я чрезвычайно дорожу моим теперешним положением: я живу в совершенном уединении и совершенной независимости...».

Восемь лет спустя, 13 августа 1871 г., он писал Чижову: «...я связан по рукам и по ногам железною цепью необходимости, и никакого знака жизни мне подать невозможно. Все мои мысли, все сочувствия на противоположном берегу, с передовыми людьми обоих полушарий, а в действительной жизни я остаюсь по сю сторону, с живым сознанием, что принадлежу к презренной и ненавистной касте тех людей, коих еще древние римляне называли inimici generis humani...*» (ЛЕ, Чиж. 45/14).

В этом драматическом признании своей крайней раздвоенности—ключ к пониманию полной бесплодности для русской передовой мысли всех идейных исканий Печерина. В середине 70-х годов он с восторгом приветствовал «молодое поколение», утверждая, что оно решит задачи, не решенные его современниками. Он жадно прислушивался к известиям о русских «нигилистах» и «нигилистках». Но и в эти годы сочувствие Печерина русской демократии оставалось бесплодным, неспособным изменить даже уклад его собственной жизни. Печерин до конца остался одним из представителей типа «лишнего человека», созданного русской жизнью в эпоху после декабристской реакции.

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 97—№№ 1, 3, 4, 5, 6, 8, 10, 11), «софийской коллекции» (№ 7),, ИРЛИ—№ 9 и по фотокопии ЦГЛА (ф. 129, оп. 1, ед. хр. 74—№ 2).

ПЕЧЕРИН — ГЕРЦЕНУ

Перевод с французского:

Больница «Mater Misericordiae». Дублин. Ирландия. 17 мая 1862 г. ¹

Милостивый государь,

Я один из ваших подписчиков. Я чувствую, что между нами — пропасть, и, однако, через эту пропасть я протягиваю вам руку соотечественника и друга. Я отдаю должное вашему гению, и у меня есть предчувствие, что в событиях, которые готовятся в России, вам предназначена огромная роль. С невыразимым интересом наблюдаю я издали за первым действием этой гигантской драмы. Для меня понятно все значение ваших слов в последнем номере: «Вся Русь поднимается от тяжелого сна и идет на совершение судеб, которых главные черты начинают прорезываться из-за несущихся туч, стесняющихся облаков».

Мне видится «...величавый поток, захвативший и влекущий всё: волостное правление, раскол, университет, крестьян, дворян, суды, дворцы, царя»².

^{*} враги рода человеческого (лат.).

О, милостивый государь, нет ли возможности для нас соединиться в более высоком единстве — там, где прекращаются споры и где царит одна лишь любовь. Ну что ж — несмотря на расхождение во взглядах, всякий, кто словом или делом содействует возрождению моей родины, может быть уверен в том, что займет в моих мыслях и сердце почетное место.

С этим уверением позвольте мне остаться, милостивый государь,

вашим нижайшим слугою и соотечественником,

Владимир Печерин, священник (aumônier) больницы «Mater Misericordiae».

¹ По поводу этого письма Герцен писал И. С. Тургеневу 21 мая 1862 г.: «Вчера получил длинное письмо от pater Печерина; уверяет о каком-то моем призвании на allerlei и manches*» (XV, 137).

² Строки из статьи Герцена «Сенаторам и тайным советникам журнализма» (XV,

114 и 112) Печерин цитирует по-русски.

ГЕРЦЕН — ПЕЧЕРИНУ

21 мая 62 Орсетьевка 1

Ваше письмо г привело меня в большое затруднение. Я считаю необходимым откровенно объясниться, предоставляя вам с еще большей откровенностью сказать ваше мнение.

С 1853, когда я имел удовольствие беседовать с вами в St. Mary's Chapel и написать вам два письма 3, я потерял вас из виду и узнал только мельком об вас из газет, когда вы жгли книги и писания в Ирландии 4.

С тех пор я напечатал ваши стихотворения, «Поликрат Самосский» и пр. 5 Многие желали знать об вас, и я в тойже «Пол(ярной) зв(езде)» напечатал отрывок из моих записок, в котором говорится о нашем свидании и к которому я приложил ваши два письма, в русском переводе. Это было в начале 1861^в. Оскорбительного для вас нет ни слова, но весь дух статьи так противуположен по духу, что я не знаю, не раскаетесь ли вы, что написали мне ваше письмо, полное <?>> лестных выражений для моей деятельности.

Разрешите мне этот вопрос письмом или молчанием — и я готов вам писать о громадных надеждах России, о том, куда она идет — о ее светской

будущности. О ∂yx овной я не знаю ничего — и могу только молчать.

Если вы будете строго судить, что я в моих записках приложил ваши письма, я смиренно приму замечание ваше и скажу только, что я тоже в своих записках напечатал письма Гюго, Карлейля, Мишле7. Между людьми, открыто действующими на своих путях, не может быть чисто приватных сношений.

Позвольте...

Когда я подумаю, сколько мы, русские, двинулись с того времени, как мы говорили с вами в Клапаме, становится широко на сердце.

1 Письмо печатается по фотокопии с чернового автографа. Орсетьевка — шутка Герцена, переделавшего свой лондонский адрес «Orsetthouse» на русский лад. ² См. письмо от 17 мая 1862 г.

 Cm. об этом рассказ Герцена в VI части «Былого и дум» — «Pater V. Petcherine».
 В 1856 г. Печерин был привлечен к суду по «делу о сожжении библии». Герцен ошибался, оценивая действия Печерина как акт изуверства. Суд оправдал Печерина:

было установлено, что он сжег на церковном дворе только порнографические книги.

5 Герцен напечатал в «Полярной звезде на 1861 год» поэму Печерина «Тор-

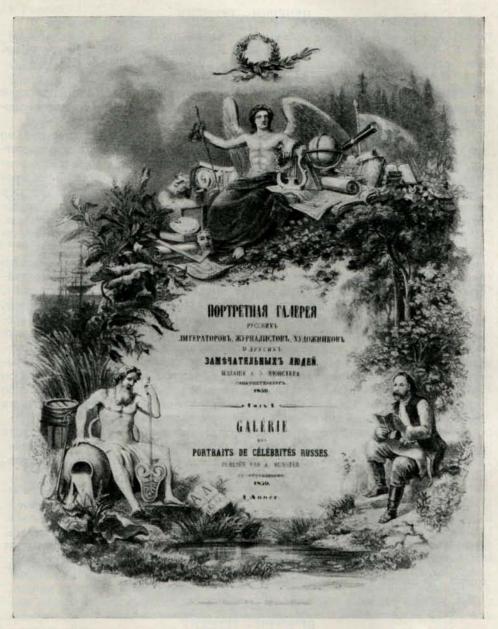
жество смерти».

воспоминания Герцена о Печерине, вошедшие в «Былое и думы» — «Pater

V. Petcherine», — впервые напечатаны в «Полярной звезде на 1861 год».

⁷ Письма и высказывания Гюго, Карлейля и Мишле приведены Герценом в VII части «Былого и дум» — «Venezia la bella» (XIV, 723—737).

^{*} всякую всячину (нем.).

ЗАМАСКИРОВАННОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ГЕРЦЕНА В РУССКОМ ПОДЦЕНЗУРНОМ ИЗДАНИИ

Титульный лист «Портретной галереи русских литераторов, журналистов, художников и других замечательных людей»

Издание А. Э. Мюнстера, Петербург, 1859 г.

3

ПЕЧЕРИН — ГЕРЦЕНУ

Перевод с французского:

Больница «Mater Misericordiae». Дублин. 23 мая 1862

Милостивый государь,

Мне очень хотелось бы ответить вам по-русски, но так как я должен выразить свои мысли возможно точнее, позвольте мне еще раз воспользоваться иностранным языком.

Нет, я не раскаиваюсь в том, что написал вам свое последнее письмо от 17 мая ¹. Но признаюсь вам с искренностью, которая, как мне кажется, свойственна моему характеру, что я много раз раскаивался и еще раскаиваюсь в том, что написал вам те два письма в 1853 г. Они были продиктованы усердием не по разуму. Я писал, как школьник; с тех пор я научился многому — по меньшей мере научился быть более милосердным. У меня нет ни малейшего желания вступать с вами в споры. Я добиваюсь только чести дружески пожать руку выдающемуся соотечественнику.

Я не жалуюсь на то, что вы опубликовали мои письма: мне нечего скрывать; и я приветствую ваш принцип: «Между людьми, открыто действующими на своих путях, не может быть чисто приватных сношений».

Ваших мемуаров ² я никогда не читал. Не переписываясь ни с кем, кроме моего старого отца³, который стоит совершенно в стороне от современных вопросов, я не знал ничего из того, что печатается в России. Судите же, каково было мое удивление при получении первого номера «Колокола»: я увидел там по объявлениям, что вы один породили делую литературу ⁴; книги, о которых там объявлено, образуют сами по себе неплохую русскую библиотеку. Как только средства мне это позволят, я выпишу себе том, другой, через Келли, Графтон-стрит, у которого имеются книги на всех языках. Я получаю «Колокол» через его посредство *.

Окончу по-русски. Вижу, поднимается заря великого дня; но восхода вашего красного солнца мне не видать.

Желаю вам успеха в вашем великом предприятии; пребываю с истинным почтением ваш соотечественник

В. Печерин

¹ См. письмо 1.

² «Былое и думы».

³ Отец Печерина — Сергей Пантелеевич (1771—1866) — помещик, бывший пехотный офицер. Письма к нему В. С. Печерина не опубликованы. Они хранятся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

4 Объявления о книгах, издававшихся вольными типографиями за границей, вы-

ходили при многих листах «Колокола».

4

ПЕЧЕРИН — ГЕРЦЕНУ

Перевод с французского:

Больница «Mater Misericordiae» Дублин. 26 мая (1862 г.)

Милостивый государь,

Спешу поблагодарить вас и за ваше доброе письмо ¹, и за присланный вами том ². Я пробежал уже несколько страниц и признаюсь, что давно ничего не читал с большей жадностью — именно с жадностью. С удовольствием узнаю, что «Колокол» отныне будет выходить каждую неделю ³:

 $^{^{}ullet}$ Далее текст на русском языке. На русском же языке Печерин цитирует выше строки из письма Герцена. — Pe heta.

этого будет довольно, чтобы держать меня в курсе всего происходящего в России.

Я не могу принимать всерьез угрозы гнусной российской полиции. По-английски мы выражаемся так: they bully you *. Они просто хотят запугать вас. В конце концов, не забывайте, что вы находитесь на классической почве свободы и что ни один волос с головы вашей не может упасть, пока вы под охраной английской конституции 4.

Примите, милостивый государь, уверение в сердечной привязанности вашего преданного слуги

В. Печерина

1 Это письмо Герцена к Печерину неизвестно.

Вероятно, «Былое и думы», т. III, Лондон, 1862.
 «Колокол» начал выходить еженедельно с 15 марта 1862 г.

4 Эти строки—запоздалый отклик Печерина на дошедшие до него сведения об инспирированной III отделением (с осени 1861 г.) кампании против Герцена, которая выразилась в потоке ругательных и угрожающих анонимных писем. Герцен придал этому делу широкую гласность, и оно нашло отражение как в «Колоколе», так и в печати различных европейских стран (XI, 241, 248—250, 257, 469. См. также в т. 63 «Лит. наследства» публикацию письма-предостережения, полученного Герценом 10 октября 1861 г).

ценом 10 октября 1861 г).
Определяя характер восприятия политического быта буржуазной Европы русскими людьми, жившими в условиях бесправия самодержавно-крепостнического строя, Герцен писал: «Европа нам нужна, как идеал, как упрек, как благой пример; если она не такая, ее надобно выдумать» (XIV, 218). В противоположность Герцену, Печерин в шестидесятых годах идеализировал английский общественно-политический и быто-

вой уклад.

5 ПЕЧЕРИН — ГЕРЦЕНУ

Mater Misericordiae Hospital. Dublin 1 abrycta 1862

Милостивый государь,

Позвольте мне еще раз поблагодарить вас за вашу интересную книжку. Я ее читал и перечитывал. Одну статью я особенно изучал: это «Русские немцы и пр.» 1 Это чрезвычайно глубоко, потому что чрезвычайно справедливо.

Я получил «Полярную звезду» за 1861 год и прочел вашу статью обо мне ². Я одно только замечу: с вашей точки зрения, вы совершенно правы; но есть в человеческом сердце глубины, которых, может быть, вы еще не исследовали. Впрочем, ваша статья ни на одну иоту не уменьшила того высокого и искреннего уважения к вашему таланту и трудам, которое я старался выразить в моем первом письме. С живейшим участием читаю ваш журнал и вполне разделяю ваши и вашего сотрудника ³ мнения касательно освобождения крестьян с землею и благословляю ваши благородные усилия в пользу свободы совести. Ну что же Россия? Она, кажется, как расслабленный, ждет движения воды. Когда же сойдет ангел с неба и возмутит эту застоялую воду? Тысячелетие ⁴ приближается. Пора нам удивить Европу.

Примите уверение того искреннего уважения, с которым пребываю

навсегда, милостивый государь,

вам преданный Владимир Печерин

P. S. Видели ли вы «Œuvres choisies de P. Tshadaeff, publiées par J. Gagarin»? Издатель прислал мне экземпляр ⁵. Сожалею только, что он нашел нужным напечатать письмо к Бенкендорфу⁶. Мне кажется, эта записка не делает чести ни Чадаеву, ни нашему поколению вообще.

^{*} они вас запугивают (англ.).

4За пять лет (1855—1860). Политические и социальные статьи Искандера и Н. Огарева», ч. I—III, London, 1860—1861. Статья «Русские немцы и немецкие русские» впервые была напечатана в «Колоколе» в 1859 г. (с 1 октября по 15 декабря), затем вошла в сборник «За пять лет».

² См. примеч. 6 к письму 2.

³ Огарева.

Тысячелетие — со времени образования русского государства (862 г.).
 Гагарин прислал экземпляр изданных им произведений Чаадаева также и самому

Герцену (см. стр. 62-63 настоящего тома).

6 Речь идет о докладной записке Чаадаева, адресованной шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу (1831). Написана она от имени И. В. Киреевского, журнал которого «Европеец» был незадолго до того запрещен Николаем I, усмотревшим в статье Киреевского пропагандирование конституционного образа правления. Записка ставила своей пелью оправдание Киреевского в глазах царя; она выдержана в монархическом духе. В своем примечании к этой записке издатель сочинений Чаадаева И. С. Гагарин отметил, что Чаадаев, предоставивший свое перо одному из друзей и пишущий от чужого имени, не может считаться ответственным за выраженные в записке мысли.

6

ПЕЧЕРИН — ГЕРЦЕНУ

47. Dominick street. Dublin 10-го марта (1863 г.) ¹

Любезнейший соотечественник,

Читая вас — особенно «Былое и думы», — я снова выучился по-русски и потому пишу на родном языке. Может быть, вы ошибаетесь, когда думаете, что мое приношение ² пришло из иного стана. Ах, забудем эти различия — Das Jahrhundert ist meinem Ideale nicht reif: ich lebe ein Bürger derer, welche kommen werden 3*. — Без сомнения, я читаю «Общее вече», и я совершенно убежден, что в настоящее время никакое государственное устройство невозможно без неограниченной свободы совести. Я даю вам полную волю напечатать, от кого вы получили тот фунт, и, признаюсь, горжусь, что моя посылка — № 1. Если обстоятельства позволят, я пришлю через месяц ту же сумму.

Не могу описать вам, какое живое участие все принимают здесь в героическом восстании поляков. Мы знаем — и радуемся, что все духовенство на стороне народа 4. Говорят, что папа очень хорошо отвечал русскому посланнику в Риме. Надеюсь, что Пия IX не обманут, как обманули не-

счастного Григория XVI в деле поляков.

Остаюсь вам искренно преданный В. Печерин

Р. S. Я должен заметить, что я теперь не принадлежу ни к какому обществу: я просто независимый член католического духовенства 5.

Наверху помета Герцена: Rev. V. P.

1 Настоящее письмо, видимо, является ответом на несохранившееся письмо Герцена.

² Речь идет о пожертвовании Печерина в «Общий фонд»; он послал деньги в ответ на воззвание «Земли и воли»; об этом пожертвовании было объявлено в л. 159 «Колокола» от 16 марта 1863 г. (XVI, 144).

3 Цитата из «Дон-Карлоса» Шиллера (действие III, явление 10).

4 Польское духовенство совместно с шляхтой занимало в 1863 г. ярко выраженную националистическую позицию. Великодержавные, националистические устремления польской шляхты Йечерин смешивает с революционным движением польского народа; господствующие классы пытались использовать народное движение в своих целях.
5 После 1862 г. Печерин не был членом ни конгрегации, ни ордена.

Наше столетие не созрело до моего идеала: я живу гражданином грядущих веков (нем.).

recesement fourgie is & boun newbooks dozenanie nowled. My parent - a padyma 9.9. Agentiers farmament, some "many" L'oppens negalo en mon leens de monness. Theyberry and Mates oreal Layeres outreen The way one come bear, some fater youne one bee 24 x observed o has conspour regions to agrammed reedy on to convening shy country is Pyenerumy meconomicary definers. Knownerd Beneson laws unger yes wet one hill in education have observed ben yearne were no some to ago weekener 13 maping Type Coulder. norms by and, a gapeaned - egylyd some wet necessary in properties we you my my up and war come by recommendence byend marked any sylbium eyner - Tay town mit, & rumes whap Kearle light of m- Bone, a normal of and any way so you man keyere. Merefrom that any way on you want to so so may be for any way to so we have the for some frame of x costs. I you want to some frame of the comment o y emportante se buy medow by nergonnesses is feel, nie binger dame, en top trammer Tunch bon - sections Thurse . Druck for the west - to be suffer chastade who were - hy ne have nevery 47 Dominick for not Dullin house neveranders one how he neighbours bone . I whymen youth our there I aprume a refer more shap my the agrand , Mandyran und Commenter Rev. V 10 10 day

АВТОГРАФ ПИСЬМА В. С. ПЕЧЕРИНА К ГЕРПЕНУ ОТ 10 МАРТА 1863 г. Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

ОГАРЕВ — ПЕЧЕРИНУ

(11 или 12 марта 1863 г.)¹

. Издавна любимый соотечественник,

Может, вам покажется странным, что як вам пишу — вы меня не знаете. Мое письмо, мои убеждения, даже мое * уважение к вам, без вашего ведома сохраненное в памяти с молодого возраста, — что вам в них? А между тем есть времена в истории, есть минуты в жизни, где человек шагает через странное **, забывает, что может показаться смешным или навязчивым, и внутренняя сила толкает на поступок неодолимо.

Простите меня, если что-нибудь в моем письме огорчит вас; я бы не хотел этого. Я долго и искренно вглядывался в самого себя, прежде чем решился писать-кроме любви к вам, к нашему народу и к правде, у меня нет другого побуждения. Поэтому мой поступок чист — а там что

бы ни было.

С тех пор, как вы прислали фунт в общество «Земли и воли» ***, мысль об вас меня преследует****. И все мне представляется тот искренний человек, который страдал от страданий своего народа, страдал до отчаяния, бежал, лишь бы уйти и не видеть, искал приюта где-нибудь, успокоения в чемнибудь... и прошло много, много лет... народ встает, а он ему как бы чужой... Зачем чужой? Разве уже вовсе отрезан путь в народ?.. Что шевельнулось в вашем сердце, когда вы посылали первую лепту? ****

Народ встает — и первое его слово: свобода совести, равноправность веры, отсутствие церкви господствующей, как единое средство свободно дотолковываться до истины. А тот человек, который бежал от безвыходного гнета, бежал во имя свободы, не пойдет проповедовать ее, когда она возникает. Сильный даром слова, он ограничится безмолвным сочувствием, робким стремлением и не скажет воскресающему народу слова воскресшего человека.

А рассвет — еще не день. Работы много. Проповедь в народе нужна, проповедь свободы совести, права каждого на землю, права земства на самоуправление. А человек, сильный даром слова, не пойдет в свой народ

Вы писали моему другу2, что даете право напечатать ваше имя и гордитесь, что ваша посылка—№ 1. Я***** с восторгом записал № 1 за вами. Я почувствовал, что вы возвращаетесь домой. В вашем желании назваться я не заподозрел никаких клерикальных соображений. Я чувствовал, что вам просто хочется сказать русскому народу, что вы его, что вы от него не отрывались, что вы еще готовы... Ну! А если народ подумает, что вы член церкви — тоже господствующей?.. Найдете ли вы в себе силу сказать, что вы, ради вашего народа, отрекаетесь от господства вашей церкви и идете проповедовать свободу совести? Найдете ли вы в себе силу рассказать вашему народу, как вы бежали, не вынесши гнета над его совестью, и как вы ради ее свободы возвращаетесь?

С чего я верю, что вы возвращаетесь? С чего ****** я так братски жажду сохранить вас для русской свободы? Я не ****** умею объ-

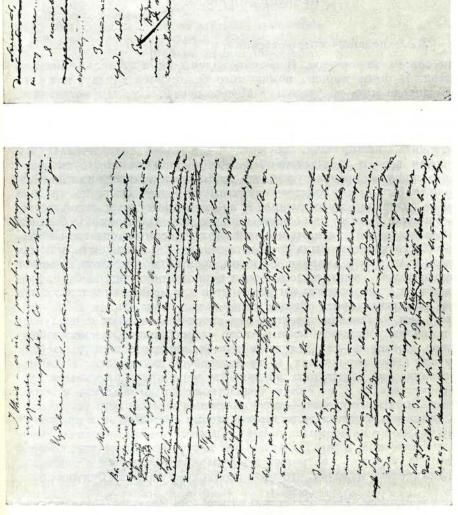
яснить, но повинуюсь влечению, потому что не могу иначе...

^{*} Далее вачеркнуто: преданность. ** Далее зачеркнуто: где он не смотрит на то, странен или нет его поступок.
*** Далее зачеркнуто: д неродино поступок.

^{***} Далее зачеркнуто: я невольно все об вас цумаю.
**** Далее зачеркнуто: как-то независимо от моей воли.
***** Далее зачеркнуто: мне кажется, что я—вы, и я плачу, как ребенок.
****** Далее зачеркнуто: а) справлял на этот раз секретарскую должность

и с радостью бросился б) был писарем и ****** Далее зачеркнуто: меня влечет к вам.

^{******} Далее зачеркнуто: могу дать себе отчета.

Succession of the second of th

ABTOFPAC HUCEMA OFAPEBA R B. C. HEYEPHHY OT 11 MJM 12 MAPTA 1863 r.

Черновик. Сверху помета рукой Герцена Листы первый и последний из бумаг Герцена-Огарева, полученных Академией Наук СССР в дар от Болгарской Академии наук («софийская коллекция»)

Я остановился над вашей припиской, читаю и перечитываю слова: «Я теперь не принадлежу никакому обществу...»

Знаете что? Знаете отчего?.. Оттого, что ваше место среди людей «Земли

и воли» *.

Глубоко вам преданный Н. Огарев

В начале письма над датой надпись Герџена: I think — es ist zu pathetisch**. Утро вечера мудренее — перепиши его мускульнее — а не нервнее. Со смыслом согласен $\langle 1 \ \mu \rho s \delta \rangle$ und $\langle 1 \ \mu \rho s \delta \rangle$.

¹ Это письмо служит ответом на письмо Печерина к Герцену (см. стр. 474) от 10 марта 1863 г. Письмо печатается по черновому автографу с воспроизведением некоторых вычерков. Датируется на основании двух писем Печерина — от 10 и 13 марта 1863 г.

² Вы писали моему другу — см. письмо Печерина к Герпену от 10 марта 1863 г. (стр. 474).

8

ПЕЧЕРИН — ОГАРЕВУ

47. Dominick street. Dublin 13 марта 1863

Любезнейший соотечественник,

Вы не совсем мне чужой. Я познакомился с вами несколько месяцев тому назад. Я очень хорошо помню того белокурого юношу, которого немецкий дядька чуть не утонул в Москве-реке ¹. Ну, так вот видите, что мы старые знакомые. Я читал с большим вниманием ваши статьи в «Полярной звезде», «Колоколе» и «Общем вече» и, признаюсь, люблю ваше светлое, прямодушное русское слово.

Но скажите, пожалуйста, неужели вы в самом деле думаете, что католическая вера и гражданская свобода несовместимы? Неужели вы разделяете пошлый предрассудок, что католический священник необходимо должен быть абсолютистом и врагом свободы? Здесь, по крайней мере, мы не разделяем этого мнения. Я не принадлежу ни к какой господствующей перкви и скажу вам откровенно, что, в моих глазах, это было бы величайшее несчастие для католической перкви, если бы она где-нибудь, в каком-либо государстве была господствующею. Ей лучше быть, как она есть теперь в Англии и Америке. Впрочем, время приближается, и, может быть, оно недалеко, когда католическая перковь принуждена будет броситься в объятия демокрации: тогда начнется для нее новая жизнь, и она в мощных объятиях народа обновит свою орлиную юность.

Между тем останемся каждый при своих верованиях и послужим родине по силам. Запишите меня в число старообрядцев, раскольников, духоборцев, квакеров—как хотите; и как вы им даете полную свободу остаться при своих верованиях, то ту же свободу дайте и мне; и потому, что я католический священник, не лишайте меня права называться русским и сочувствовать и, по силам, содействовать людям «Земли и воли». «Земля и воля», в моих глазах,—высокий идеал общественного устройства, я очень внимательно читал ваши превосходные статьи об этом предмете 2 и, признаюсь, вовсе не понимаю, какое тут может быть противоречие с догматами католической веры. Да разве это земное благоденствие, которое вы хочете (!) упрочить, не может гармонически сочетаться с надеждою будущего века? Мне кажется, что даже необходима надежда будущих благ

^{*} Далее вачеркнуто: Если мое письмо только бред фанатика — еще раз простите мне его. Видно я так и умру, до последней минуты храня мое неразумие, как святыню.

^{**} Я думаю, это слишком патетично (англ. и нем.).

для того, чтобы не закиснуть в китайском благосостоянии. По крайней мере, согласитесь, что в Польше католическая вера есть главный источник героических подвигов народа.

Ах! если б вы знали историю моей жизни, вы бы увидели в ней чудный логический путь провидения. Ваш друг в письме к русской даме сказал: «как же верить?» З А я скажу: как же не верить, когда непобедимая сила принуждает вас к тому? От утробы моей матери я верил в незримое, искал и любил его. Я жаждал истины и правосудия. Как не верить, когда я слышал, так сказать, шелест этой невидимой силы вокруг себя

unsichtbar sichtbar neben mir. *

В степях южной России я часто следил за заходящим солнцем, бросался на колени и простирал к нему руки: «туда, туда, на запад», кричал мне внутренний глас⁴. В 14 лет я прочел и выучил наизусть следующие стихи Шиллера:

Noch in meines Lebens Lenze
War ich und ich wandert'aus,
Und der Jugend frohe Tänze
Ließ ich in des Vaters Haus.

All mein Erbteil, meine Habe Warf ich fröhlich glaubend hin, 7 Und am leichten Pilgerstabe Zog ich fort mit Kindersinn. ***5

Вся моя жизнь есть не что иное, как развитие этих двух куплетов.

Однажды я сидел на вершине Вогезских гор, голый сирота, без копейки в кармане и в нищенской блузе, но весело верил (fröhlich glaubend), что невидимая рука ведет меня куда-то, к высокой цели, и что я страдаю за искупление рода человеческого. Я все прочел — через все прошел — все испытал. Я прочел «Das Leben Jesu» у Strauss'а от доски до доски, я изучал библию на еврейском языке с комментариями немецких рационалистов, я читал Мишеле, Жорж Занд и доселе храню, как драгоценное достояние, письмо этой великой женщины к одной ирландской мона-шенке в. Я был добросовестным сенсимонистом, фурьеристом, коммунистом и логическим путем, без всякого внешнего влияния, дошел до католицизма. Два года тому назад я разорвал все мои прежние связи 7. Я бросился в Картезианскую пустыню во Франции, недолго там остался; потом провел несколько времени у траппистов в Ирландии: мне решительно хотелось заживо похоронить себя; но не успел; живость моего духа преодолела. Я не мог жить без службы человечеству — и теперь я служу страждущему человечеству и разделяю труды сестер милосердия в больнице «Mater Misericordiae».

Я выхожу из могилы и вижу рассвет русского дня. Но что же мне тут делать? Я вспоминаю стих Горация:

Vitae summa brevis spem nos vetat inchoare longam *****.

Не знаю, как и почему мне вдруг припомнились стихи Жуковского, которые я читал тридцать лет тому назад — и они часто шевелятся в моей голове:

^{*} незримо зримо близ меня (нем.). ** Дней моих еще весною Отчий дом покинул я, Все забыто было мною — И семейство и друзья.

В ризе странника убогой, С детской в сердце простотой, Я пошел путем-дорогой— Вера был вожатый мой.

⁽Перевод В. А. Жуковского).-Ред.

^{***} Краткий срок жизни не позволяет нам питать большой надежды (лат.).

Когда начнет бледнеть и смелый в брани, И роковой пробьет отчизне час — Возьмешь мою ты орифламму в длани, Во плач преобратишь победный глас...•

Боже мой! какое безумие! мне пятьдесят пять лет — это должен быть старческий бред, лепет второго младенчества. Как бы то ни было, я верую, по священному писанию, что бог иногда избирает самые презренные и ничтожные орудия для достижения высоких целей; я верую, что та же невидимая рука, которая вела меня доселе, приведет меня к желанному концу, где все разрешится, все уяснится и все увенчается. Где? когда? как? — не знаю; но каков бы ни был мой конец, вы можете написать на моей могиле историю моей жизни в сих последних словах Григория VII:

Dilexi justitiam et odivi iniquitatem et propterea morior in exilio *.

Вам искренно преданный

В. Печерин

¹ Печерин отвечает на публикуемое выше письмо Огарева. Под «знакомством» с Огаревым он подразумевает чтение главы «Ник и Воробьевы горы» из «Былого и дум»; Герпен рассказывает в этой главе, что он познакомился с Огаревым в тот день, когда казак вытащил из Москвы-реки утопавшего К.И.Зонценберга— «дядьку»

Огарева.

² Надо думать, что Печерину был послан весь цикл статей и прокламаций о «Земле и воле»: статьи Огарева, печатавшиеся в «Колоколе» («Ход судеб» — январь 1862 г., «Куда и откуда» — май 1862 г.) и в «Общем вече» («Что надо делать народу» — август 1862 г., «Тысячелетие России» — октябрь 1862 г.), а также его прокламации («Что нужно народу» — июнь 1861 г., «Братья-солдаты, одумайтеся, пока время», «Братьясолдаты, ведут вас бить поляков», «Всему народу русскому поклон и грамота от людей ему преданных», «Офицерам всех войск от общества "Земля и воля"»— февраль—начало марта 1863 г.) и др.

³ Печерин имеет в виду статью Гердена «Ответ русской даме» (А. П. Глинке) —IX,

508 - 514

 Об этом более подробно Печерин рассказывает в «Замогильных записках», цит. изд., стр. 123—124.

⁵ Начальные строфы стихотворения Шиллера «Der Pilgrim» («Странник»). Пере-

6 Печерин перечисляет сочинения, которые способствовали его переходу в католи-

чество. Ср. «Замогильные записки», цит. изд., стр. 107—112.

⁷ Печерин имеет в виду свой уход из ордена редемптористов (см. об этом выше)
 ⁸ Пятнадцатый стих из IV оды первой книги од Горация.
 ⁹ Стихи из «Орлеанской девы» Шиллера в переводе Жуковского (конец пролога.
 монолог Иоанны). Пропущены два стиха. Последний стих приведен неточно.

ОГАРЕВ — ПЕЧЕРИНУ

Orsetthouse. Westbourne terrace. 29 марта 1863 г.

Любезный соотечественник.

Получив ваше письмо от 13 марта, я хотел было тотчас писать к вам, но разные недосуги помешали. Я выжидал минуты спокойной мысли.

Наша переписка не должна так кануть в воду, бесследно. Вера, что вы возвращаетесь в народ русский, меня не покидает; ваше письмо не поколебало, а усилило ее.

Я не люблю затаенных мыслей и не верю в успех недосказанных слов; я буду совершенно искренен. Может быть, вследствие искренности, скептик и католический священник не станут спорить о вопросах, в которых не переубедят друг друга, но подадут друг другу руку на дело, где между ними нет разномыслия и общий вопрос решается одинаково.

^{*} Я возлюбил справедливость и возненавидел беззаконие и потому умираю в изгнании (лат.).

БРОШЮРА ОГАРЕВА
«ESSAI SUR LA SITUATION
RUSSE»
(«ОЧЕРК СОВРЕМЕННОГО
ПОЛОЖЕНИЯ РОССИИ»)
Издание Трюбнера, Лондон,
1862 г.

Титульный лист

ESSAI

LA SITUATION RUSSE.

LETTRES À UN ANGLAIS,

N. OGAREFF.

LONDRES: TRÜBNER & C", 60, PATERNOSTER ROW.

1862.

Человеку необходима теория мира — это факт. Цель религии — теория мира, цель науки — теория мира. Бесчисленность явлений и отношений делает задачу науки бесконечной. Всегда остается неудовлетворенность теорией гипотетической или теорией недоконченной. Достижимое в жизни общественной — только свобода верить и познавать, не стесняемая никаким господством какой-либо отдельной теории. На достижении этой свободы и сопряженных с ней свободных гражданских учреждений — мы сойдемся.

Это ясно... Вы с уважением к человеческой свободе вытерпите мой скептицизм; я ни единым грубым прикосновением не дотронусь до вашей веры.

Но где же наше реальное поприще? Где же вы «возьмете орифламму

в длани»:

Где сливаются — ваша безумная вера, что путь не кончен, несмотря на ваши пятьдесят пять лет, и моя безумная вера, что вы возвращаетесь

в народ русский?

Взгляните на Польшу. Помимо религии, она выставила некогда мощную, свободную аристократию, которая возвеличила ее и потом сгубила, потому что народ (plebs), униженный ею до рабства и бездомничества, стал равнодушен к национальному вопросу¹; для раба отечество, не дающее свободы, перестает быть отечеством.

Взгляните на Россию. Она выдвинула могучий царизм и чиновничество-дворянство. Народ не разрушился как польский народ, потому что, посреди рабства, сохранил свою внутреннюю ткань, которая способна перейти в свободное устройство, как скоро царизм и чиновничество отвалятся.

Если революционная Польша не восстановит народ, она не выиграет дела. А восстановить его она может только отдачею ему земли. И вот вопрос польской свободы становится на один уровень с вопросом русской свободы.

Зачем же они враждуют? Где возможно примирительное соприкосно-

вение?

Смело отвечаю: в Литве.

В Литве народ примкнет к революции, если она отдаст ему землю, а она на это решилась².

В Литве три населения: католическое, униатское и русское старообрядческое. Около Литвы — православные господствующей церкви и

долею также старообрядцы.

Католические священники польские не в состоянии примирить племен; они идут из национальной ненависти. Кто же может внести слово примирения католических племен с некатолическими — во имя общего восстания, во имя свободы церквей, во имя падения аристократии, чиновничества и царизма, во имя земли и воли?

Тот, кто не делит врознь племенной любви к русскому народу и любви к племенам католическим, — это католический священник русской крови.

Конечно, тут об обращении русского населения в католицизм так же мало может быть речи, как и об обращении людей религиозных — в науку. Это было бы праздной мечтой. Дело идет только о примирении родственных племен во имя плебейской земли и воли и свободы церквей,

свободы веры и знания.

Может, и с моей стороны это старчески-младенческий бред? Может, и я — положительный материалист — принадлежу к числу фанатически верующих в свое дело! Как бы то ни было — вот вам вся моя мысль дотла. Вы пишете, что вас смолоду тянуло «на запад»... к солнцу заходящему. Наша переписка доказывает мне, что такое же неодолимое чувство тянет вас теперь на восток... к солнцу восходящему.

На рубеже католицизма и Руси — их примирение в общую свободу.

Там ваше место.

Подумайте — и скажите.

Глубоко вам преданный

· H. Огарев

¹ Формулировку той же мысли Огарева находим в его брошюре «Essai sur la situation russe», 1862 («Очерк современного положения России» — Лондон, изд. Трюбнера). «Аристократия, — читаем здесь, — создала мощь Польши, она же ее и погубила. Крепостная зависимость и захват земли рыцарским сословием сделали народ равнодушным к судьбам аристократии» (перевод с французского). Как известно, польские крестьяне в массе своей отнеслись к подготовке восстания 1863 г. и к самому восстанию пассивно. В их представлении борьба за национальную независимость была неотъемлема от борьбы против помещиков, за землю. Шляхте они не доверяли и оставались безучастны к ее великодержавно-националистическим лозунгам.

² Огарев имеет в виду сильное крестьянское движение в западных губерниях России, в 1863 г. ознаменовавшееся рядом восстаний. См. предисловие к настоящей пуб-

ликации.

10

ПЕЧЕРИН — ОГАРЕВУ

47. Dominick street. Dublin. 6-го апреля 1863

Любезнейший соотечественник,

Когда я отправил к вам мое последнее письмо ¹, мне пришло на память небольшое приключение, случившееся со мною в 1839 году в городе Льеже, в Бельгии. В то время я был честным сенсимонистом — отпустил бороду, носил длинные волосы, был неопрятен и очень непригож и так до-

бродушно ожидал со дня на день, что вот придет пророкили отец (le Père) и я присоединюсь к его церкви. Иду однажды по улице — попадается мне навстречу человек с младенцем на руках. Малютка загляделся на меня, как на какое диво, и протянул ко мне обе ручонки. Отец с досадой и очень громко сказал: «Ne le regarde pas, mon enfant: c'est un fou» *. Эти слова врезались в моей памяти: они льстили моему самолюбию — мне казалось, что я страдаю за истину. А теперь так кажется, что тот bourgeois был прав. Вот поэтому-то я и думал, что вы, прочитавши мое письмо, тоже согласитесь с мещанином и скажете: «Laissons-le, c'est un fou!» **. Но я обманулся, и теперь мне приходится двукратно вас благодарить и за дружественное ваше письмо, и за присылку вашей интересной брошюрки², которую я буду читать и изучать с глубочайшим вниманием.

Долг платежом красен. Давно уже я ни к кому не писал с таким abandon ***, с каким пишу к вам. Вы, кажется, ожидаете от меня категорического ответа. Да почему же мне и не дать его? Что я возвращаюсь в русский народ, в этом нет никакого сомнения. Ведь это была одна из причин, побудивших меня оставить пустыню. Мне казалось, что священный долг призывает меня принять какое бы то ни было участие в возрождении моей родины. От всей души я готов подписать вашу программу³. Я очень хорошо понимаю, как католический священник русской крови может сделаться примирителем враждебных племен. Это прекрасно в теории, но где же практическое применение? Как, где и когда? Ведь мы еще не в России — мы отделены от нее китайскою стеною. Вот если б Россия была Англиею, где всякий может гулять по воле, говорить и делать, что хочет, и служить родине на вольно избранном поприще, - я бы, может быть, тотчас принялся за дело на свой манер. Но что же я могу делать в России? Мне кажется, вы продаете шкуру медведя, а медведь-то еще жив и здоров - смотрите, как он ломает кости поляков.

Впрочем, я тоже скептик в своем роде. «Концы и начала» г. Герцена напомнили мне Дон-Кихота4. Ведь я был действительным Дон-Кихотом всю жизнь мою. Я все принимал за чистые деньги, везде видел доблесть и красу, а где их вовсе не было, я созидал их в моем воображении и поклонялся творению рук моих. Сколько ветряных мельниц я принял за исполинов! Сколько Дульциней я обожал, как идеальных принцесс! Вот почему, после стольких опытов, мне очень трудно решиться на какуюлибо новую деятельность. Я чрезвычайно дорожу моим теперешним положением: я живу в совершенном уединении и совершенной независимости пополам с наукою и делами христианской любви, я вкушаю то блаженство, в котором Дант поставляет сущность Рая:

> Luce intellettuale, piena d'amore, Amor di vero ben pien di letizia**** 5.

Но я действительно возвращаюсь в русский народ. Вот почему я выписал «Колокол» и вошел в сношения с г. Герценом. Я читаю «Колокол» это, во-первых, дань искреннего уважения к высоким талантам его издателей, а во-вторых — я с вашей стороны ожидаю спасения Израиля ⁶. Мне кажется, из всех русских студентов, бывших со мною в Берлине 7 , я $o\partial un$ сохранил неизменными мои *политические* убеждения. Что я думал тогда, я думаю теперь. Начало моих религиозных верований принадле-

^{* «}Не смотри на него, дитя мое: это сумасшедший» (франц.).

** «Оставим его, это сумасшедший!» (франц.).

*** непринужденным чувством (франц.).

Умопостижный свет, где всё — любовь,

Любовь к добру, дарящая отраду. (Перевод М. Л. Лозинского). — $Pe\partial$.

жит к той же эпохе — вы его найдете в «Paroles d'un croyant» Ламенне. Как ни бестолково это вам покажется, однако это правда.

Я высказал все, что у меня было на сердце. Нужно ли еще прибавить, как искренни те чувствования, с которыми я пребываю

вам истинно преданным.

В. Печерин

¹ См. письмо 8 от 13 марта 1863 г.

² Речь идет о брошюре Orapeвa «Essai sur la situation russe». См. примеч. 1 к предыдущему письму и «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 892-893.

³ Печерин говорит здесь о «программе», составленной для него Огаревым в пись-

ме от 29 марта 1863 г. (см. выше); речь шла о «возвращении в народ русский».

4 Скептицизм Печерина отнюдь не совпадал со скептицизмом Герцена, гневно бичевавшего в «Концах и началах» европейскую буржуазную цивилизацию.

⁵ «Рай», песнь XXX, стихи 40—41.

6 Печерин имеет в виду будущие преобразования в России; он понимал их как пре-

вращение самодержавно-помещичьего строя в «исполинскую демократию».

7 Печерин говорит о своих бывших товарищах по студенческой командировке в Берлин в 1833—1835 гг.: о П. Г. Редкине, Я. И. и С. И. Баршевых и др.

ПЕЧЕРИН — ГЕРЦЕНУ

47. Dominick street. Dublin 20-го апреля 1863

Почтеннейший соотечественник,

На этот раз посылаю вам две лепты (2 фунта)¹: это как-то сообразнее с евангелием. Прошу вас принять их как символ глубокого участия, которое я принимаю в русском деле — деле Земли и воли. Не нужно вас спрашивать, читали ли вы Мишеле «La Pologne»? ² Какое глубокое понимание России! А ведь я, тридцать лет тому назад, понял ее точь в точь, как Мишеле теперь ее понимает. Ваши сочинения обратили меня в Россию, но, признаюсь, иногда еще пробивается старое чувство³, особенно глядя на настоящие события. Впрочем, подождем: посмотрим, что скажет русский народ: пора ему показать себя.

Между тем пребываю вам искренно преданный

В. Печерин

¹ См. примеч. 2 к письму 6.

² Печерин имеет в виду книгу Ж. Мишле («Мишеле» — в русской транскрипции Печерина) «La Pologne et la Russie. Légende de Kostiusko» («Польша и Россия. Легенда о Костюшко»), вышедшую в свет в 1851 г. Герцен в своей статье «Русский народ и социализм. Письмо к Ж. Мишле» выступил с резкой критикой позиции Мишле, утверждавшего, что «Россия не существует, что русские — не люди, что они лишены нравственного смысла» (VI, 433). Соглашаясь с отрицательной характеристикой, которую Мишле дал «России официальной», Герцен подчеркивал в своей статье огромную творческую силу и историческую роль русского народа. Под влиянием Герцена Мишле изменил свой взгляд на Россию.

3 Старое чувство — резко выраженный космополитизм Печерина, та идеализация

Западной Европы, которая привела его в тридцатых годах к бегству из России.